

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 83—94.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Special issue. P. 83—94.

Научная статья

УДК 81'27

DOI: 10.46726/И.2023.5.10

КУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ В СЕМАНТИКЕ СЛОВА И ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Фения Фарвасовна Фархутдинова, Киеу Ань Ву

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

fenfar@mail.ru, anhv.u.bk@yandex.com

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов проблемы *Язык и культура*: способность значимых единиц языка, в первую очередь, слов и фразеологизмов хранить и транслировать культурную информацию от поколения к поколению или от одного социума другому. Культурная информация — подвижная часть семантики языковых единиц. Она реализуется не только в словарных дефинициях, но и в текстах, где она по-разному интерпретируется и наполняется различными культурными смыслами. Культурные смыслы обусловлены характером текстов, в которых реализуются языковые единицы, ситуацией их употребления, личностями коммуникантов, их целевыми установками, а также степенью их владения культурным фоном, их фоновыми знаниями. Культурная информация связана с местом языковой единицы в языковой картине мира. Это особенно отчетливо проявляется при анализе слов-эквивалентов в разных языках, таких как русский и вьетнамский, или при сравнении слов и устойчивых оборотов (приметы, проклятья, божба или формулы речевого этикета), выполняющих одну и ту же функцию в системе языка.

Ключевые слова: культурная информация, культурные смыслы, культурный фон, семантика языковых единиц

Для цитирования: Фархутдинова Ф.Ф., Киеу Ань Ву. Культурная информация и культурные смыслы в семантике слова и фразеологизма // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Специальный выпуск. С. 83—94.

Единицы лексико-фразеологической системы языка — слова и фразеологизмы — издавна используются для изучения истории и культуры народа в силу того, что обладают значением, имеют историю бытования в текстах (ярким примером являются материалы электронного онлайн-корпуса русских текстов — Rus.corpora.ru) и фиксацию в словарях. Уже в работах российских ученых XIX века есть разнообразные материалы о значениях слов-историзмов — названиях существовавших в прежние времена предметов, явлений человеческой жизни, общественных институтов и др., которые становились дополнительным источником сведений о материальной и духовной культуре прошлого. Такой подход к словам и выражениям можно видеть в работах И.И. Срезневского [Срезневский: 15—103], Ф.И. Буслаева [Буслаев: 292—339], И.М. Снегирева [Русские...], В.И. Даля [Даль 1993]. Деятельность этих ученых и их последователей показала, что язык является социально-культурным феноменом, отражающим быт, нравы, обычаи и воззрения народа-носителя, а также хранителем познанной народом информации о мире. Это верно даже в том случае, если в ходе

© Фархутдинова Ф.Ф., Киеу Ань Ву, 2023

общественно-исторического развития отдельного народа и человечества в целом в содержательной стороне языковых единиц происходит обновление уже имеющихся знаний (пополнение либо уточнение и конкретизация) или же их частичная либо полная утрата, что отражается в семантике языковых единиц. По-видимому, это постоянный процесс, что подтверждается исследованиями словаря (словарного состава языка) в его диахронии и синхронии, а также данными словарей культуры, например, таких, как «Константы: Словарь русской культуры» Ю.С. Степанова. Словарь в этом случае становится частью культуры народа, его «своеобразной исторической памятью» [Телия: 226]. Не случайно современные ученые-лингвокультурологи в содержательной стороне слов и фразеологизмов (в их значении) выявляют культурную информацию в виде универсальных квантов знания, этнически маркированные культурные смыслы, а также культурную коннотацию. Дифференциация данных понятий опирается на различие значения и смысла: значение рассматривается как закрепленное в содержании языкового знака коллективное символическое «освоение того или иного фрагмента действительности», а смысл — как выделение «лично-значимых и ситуативно-актуальных характеристик окружающего мира» [Карасик: 5]. В современной науке говорят о наличии культурных смыслов в ментальных единицах — в концептах, представлениях, культурных установках, идеологемах, обыденных понятиях, стереотипах [Токарев], а также в любой из сфер человеческого бытия — в физкультуре и спорте [Шапинская; Моченов], в основном и дополнительном образовании [Пружинин, Щедрина; Васильев], в архитектуре и градостроительстве [Куприянов; Пермиловская], в религии [Камедина; Шарифи, Бешорати, Абдоллахи] или в философии [Микайлова].

Культурные смыслы могут включаться в семантику слова и фразеологизма. Считается, что в этом случае они проявляются в виде *культурной информации*, которая находит отражение в толкованиях языковых единиц, то есть она включается в текст словарной статьи. При этом известно, что значения слова *информация* сегодня в обиходном употреблении и в языке науки не совпадают. Если изначально (в XIX веке) информацию понимали как «сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом (с помощью условных сигналов, технических средств и т. д.), то с XX века оно получило статус общенаучного понятия и развило терминологическое значение: «знания о предметах, фактах, идеях и т. д., которыми могут обмениваться люди в рамках конкретного контекста», «сведения, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами как отражение фактов материального или духовного мира в процессе коммуникации» [Словарь...]. В работах многих лингвистов нет сведений о том, какое понимание информации они имеют в виду — обиходное или общенаучное. Отчасти это объясняет, почему словосочетание *культурная информация* получает разное наполнение. С одной стороны, культурная информация — это информация культурологического, в том числе и идеологического плана (не лингвистическая информация), представленная в лексикографических толкованиях [Купина: 7; Чернова]. С другой стороны, к культурной информации относят, например, почерпнутые из художественных произведений сведения «о быте народа на определенном этапе его развития, орудиях труда, предметах религиозного культа, народных праздниках и приметах», о «профессиях и социальных слоях» определенного исторического периода, «о связанных с каждой профессией орудиях труда, предметов одежды и т. п., об отношении общества к представителям данной профессии или носителю определенного качества», о животных (героях басен), чьи

образы основаны на «древнейших тотемных верованиях народа-создателя басни и мифологических преданиях» [Микова: 6]. Существует и третья точка зрения, согласно которой все слова и фразеологизмы, в которых проявляется национально-культурное своеобразие языка (безэквивалентная лексика, топонимы и онимы, формы обращения в ситуации речевого этикета и др.) передают национально-культурную информацию [Журавлева]. С нашей точки зрения, культурная информация закреплена в языковых единицах и разнообразных текстах, она позволяет формировать, транслировать и реализовывать языковую картину мира, в которой отражается уникальное и универсальное во взгляде народа-носителя языка на мир и свое место в нём.

Анализ культурной информации и культурных смыслов в семантике слов и устойчивых оборотов позволяет рассмотреть словарный состав языка не только как определенным образом организованную систему языка, но и как вербализованную систему знаний и ценностных ориентиров, которой руководствуется в повседневности отдельный человек, социум или общество в целом. Словарный состав — внешний слой языковой системы, наиболее подверженный изменениям по причине его открытости миру — может быть представлен также и в виде языковой картины мира, в которой фрагменты действительности представлены с разной степенью глубины. Культурная информация и культурные смыслы слова, как и его место в языковой картине мира, во многом объясняются его историей, сохранившейся или утерянной внутренней формой, а также его связями с другими словами лексико-фразеологической системы. Слово живет в определенном социально-историческом контексте, который задает культурные смыслы и общественно значимые культурные коннотации. Это справедливо для многих языков и культур. Считается, что имеющаяся культурная информация может получать разные культурные смыслы, и эта интерпретация напрямую зависит либо от действующих культурных установок и/или стереотипов этноса [Токарев], либо от лингвокультурных компетенций лица, интерпретирующего факты в соответствующей культуре. Чтобы проиллюстрировать эти положения, обратимся к отдельным культурно-языковым фактам.

Известно, что на начальном этапе человеческой истории слово и вещь часто отождествлялись: слово, обладавшее, с точки зрения людей, магической силой, управляло вещью, поведением человека и даже его жизнью и смертью. О древней магии слова пишет И.П. Меркулов, разрабатывающий концепцию информационного контроля окружающей среды в аспекте когнитивной эволюции. Под магией слова ученый понимает «отождествление слов как упорядоченных звуковых символов и того, что они (через образы и сценарии) репрезентируют — соответствующих вещей и событий. В этом случае смыслы образов (и сценариев), содержащаяся в них пропозициональная информация должны были обретать здесь абсолютно достоверную и эмоционально значимую для людей вербально-символьную форму репрезентации» [Меркулов: 48—49]. Как предполагает исследователь, магическую функцию слово стало выполнять уже во времена первобытного строя, а симптомы частичного разрушения этой магии он относит к XII—XIII векам [Там же: 83—84]. Но эта функция сохранилась за словами и в более поздние исторические периоды. Реликты этой функции проявляются в словах-благопожеланиях, которые служили изначально своего рода оберегами и дожили до нашего времени, но стали выполнять иную функцию, например, контактоустанавливающую. В русском языке эта функция реализуется в этикетных словах *спасибо*, *здравствуйте*. То же самое можно сказать о русских оборотах *храни вас бог*; *тьфу-тьфу*,

чтоб не сглазить; будь здоров / будьте здоровы! и о вьетнамской формуле *hau ăn chóng lớn* ([хай ан чонг лон], которую дословно можно перевести так: «много кушай и быстрее расти (взрослей)»). Эту фразу используют, когда ребенок чихнул. Некогда бывшие словесными оберегами, такие выражения сегодня выполняют в основном регулятивную или фатическую функции, которые нацелены «на создание, поддержание и регулирование отношений в человеческих микроколлективах» [Норман]. Вьетнамский речевой этикет содержит много благопожеланий, включающих в свой состав слова-обереги. Тем, кто отправляется в дальнюю дорогу, вьетнамцы говорят: «*Thượng lộ bình an!*» ([тхьюнг ло бинь ан], что дословно означает «пусть в дороге не будет опасностей») [Словарь вьетнамского языка: 405]. Благодаря двуязычию образованных вьетнамцев выражение было заимствовано во вьетнамский язык и сохранило форму китайского оригинала — лексическое наполнение оборота и его образность: 一路平安 (дословно: «один, единый», «дорога, путь», «ровный, благополучный, мирный», «спокойный, безопасный»), т. е. это пожелание *благополучия на всем пути* следования. Это выражение обычно переводится с помощью русского оборота *доброго пути!* Другое благопожелание отправлявшимся в дорогу — *chân cứng đá mềm* ([чан кынг да мем], дословно «твёрдые ноги, мягкие камни» [Словарь вьетнамского языка: 141]. Это пожелание удачи и легкого пути, в котором путешественник, торговец или крестьянин сохранит свои ноги здоровыми, сильными, потому что на дороге не будет острых камней. В настоящее время выражение используют не только как благопожелание перед трудной дорогой, но, главным образом, как пожелание удачи в начинаниях — в новом или трудном деле.

Противопоставлены словам-оберегам слова-проклятья, выполняющие регулятивную и фатическую функцию языка [Норман], позволяя выразить переживания человека и его эмоциональное состояние — раздражение, гнев и др. К числу таких оборотов может быть отнесен русский фразеологизм *ни дна ни покрышки*. «Словарь русской фразеологии» так описывает этимологию этого устойчивого словосочетания: «Выражение связано с погребальными ритуалами, которые в древности считались обязательными настолько, что в них не отказывали даже врагу. Поэтому самым страшным наказанием был запрет на обряд погребения кого-л. На Руси, как и в Древней Греции (Спарте, Афинах), так наказывали лишь предателей родины, святотатцев и самоубийц. Страшное пожелание <...> — значит «Быть похороненным без гроба», т. е. его неотъемлемых принадлежностей — деревянного дна, крышки и покрова (т.е. покрывала), а в переносном смысле — без отпевания и без соблюдения христианского обряда погребения» [Бирих, Мокиенко, Никитина: 161]. В обороте *чтоб тебе пусто было* сохраняется культурная информация о «пожелании неудачи в каких-то делах и начинаниях», а также возможность «выразить свою злобу и досаду, пожелать другому человеку провала». С точки зрения Ю.А. Гвоздарева, данный оборот связан «с суеверной приметой, что встретить человека с пустыми ведрами означает неудачу», а форма фразеологизма отражает веру «в единство слова и обозначаемого им явления» [Гвоздарев: 75] Как представляется, в семантике этих и подобных оборотов культурная информация присутствует не только во внутренней форме, но и в их интонационном рисунке оборотов: интонация позволяет реализовать состояние недовольства, недоброжелательности, открыто высказать злобу или досаду в адрес другого человека. И эта культурная информация правильно оценивается коммуникантами.

Особо можно выделить слова и выражения, в которых люди божатся, т. е. клянутся именем Бога (*ей-богу, Богом клянусь* и др.) или клянутся в чем-либо очень ценным и важным для человеческой личности (*Христом-богом клянусь, мамой клянусь, клянусь страшной клятвой; век свободы не видать*). В этих и других выражениях слово выполняет некоторую ритуальную функцию, обычно используется для подтверждения правдивости сказанного говорящим.

Естественно, что знания о культуре народа позволяют объяснить происхождение отдельных слов и выражений, а также дают возможность понять ситуативность их использования, причины возникновения, а значит, и выполняемую выражениями функцию в речевом общении. Например, вьетнамские выражения *ơn trời* ([он чой], дословно «благодаря небу»); *các cụ phù hộ* ([как ку фу хо], дословно «предки помогают») содержат глагол *phù hộ*, который называет акт защиты от сверхъестественных сил [Словарь вьетнамского языка: 788]. Сами выражения используются в ситуации, когда говорят о большом везении: проливной дождь начался в тот самый момент, когда крестьянин сумел прийти с поля домой и войти внутрь помещения. В противном случае он мог остаться на рисовом поле и промокнуть до нитки, но *ông trời* (дословно «Дедушка-Небо», то есть Бог) или предки помогли ему вовремя уйти с поля и сохранить одежду сухой. Эти выражения имеют шуточный характер и именно через шутку дают представление об удаче, сопутствующей человеку.

В конфликтных ситуациях, когда один вьетнамец сердится на другого и хочет показать свои чувства по отношению к нему, то использует выражение *đồ trời đánh* [до чой дань] (дословно «Небо тебя ударило (стукнуло)» или «Молния тебя ударила»). При этом фраза *đồ trời đánh* связана с верой в то, что плохого человека небо накажет именно ударом молнии. При этом в использовании оборота *đồ trời đánh* есть этикетные и этические ограничения: она может быть произнесена только внутри одной семьи старшими по отношению к младшим (родители, старшие братья и сестры применяют выражение для угрозы или устрашения озорного ребёнка). В ситуациях с чужими людьми используется оборот *đồ trời đánh không chết* [до чой дань кхонг чет] (буквально «получает (получит, получил) удар с неба (от молнии), но не умирает (не умер, не умрет)»). В этом выражении «удар с неба» означает ухудшение ситуации, в которой оказался человек, совершивший преступление или неблагоприятный поступок: он будет обязательно сурово наказан [Там же: 1045].

Культурная информация представлена и в текстах примет. В приметы, как известно, верили не только древние люди, но и наши современники. Под приметами понимаются «проверенные временем предсказания, основанные на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни, выраженные в краткой, метафорической форме» [Тонкова: 3]. Считается, что в примете объединяются кумулятивная и прагматическая функции языка, а совокупность примет народа составляет «базу данных, структурирующую многовековой опыт народного прогнозирования, передаваемый из поколения в поколение» [Никитина: 3]. Одни приметы связаны с наблюдениями над погодой и природой, другие — с суевериями, хотя сегодня спектр функционирования примет расширился [Там же: 4—6]. Приметы могут быть вербализованными и фиксироваться в языке в виде устойчивых образований — текстов (паремий): *рассыпалась соль и через плечо бросить щепотку, тогда неприятности обойдут стороной; Одежду стоит надевать с правого рукава, тогда примечено, жизнь выйдет спокойной и счастливой; Нельзя подбирать мелочь на дороге — потерять свои деньги*

и чужую бедность себе забрать; В Новый год и Рождество (7 января) нельзя из дома ничего давать — отдашь хорошее, придет плохое; В понедельник деньги отдавать — всю неделю расходы [Там же].

Приведенные выше примеры были стремлением показать, что культурная информация хранится в разных единицах языка (словах, фразеологизмах, интонации), а культурные смыслы реализуются в определенных речевых ситуациях при выполнении этими единицами определенных функций. Но и в том случае, если слово называет что-либо в реальном или идеальном мире, оно способно хранить культурные смыслы, в которых проявляются этнические подходы к принципам и правилам жизни.

Рассмотрим это на примере двух слов — русского *алтарь* и его вьетнамского эквивалента *bàn thờ*.

Слово *алтарь* было заимствовано русским языком в древнерусский период (имело графический вид *олтарь*) и вошло в оборот уже в XI веке. Оно пришло из латинского языка через позднегреческий. Согласно материалам «Этимологического словаря русского языка» А.В. Семёнова, в латинском языке-источнике словами *altare, altar* называли место, где возносились жертвы (жертвенник). Отличительная черта жертвенника — его расположение: он располагался на высоте, на возвышении, на что указывает его связь со словом *altus* — «высокий», «возвышенный», «расположенный на высоте». Данный источник обращает внимание на возникновение новых значений у слова *алтарь* в русском языке, где оно стало обозначать «стол, престол», а также «главную, восточную часть православного храма, отделенную иконостасом и предназначенную для совершения христианского таинства» [Семенов]. Оба значения слова зафиксированы в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, в «Словаре русского языка» в 4-х томах под ред. А.П. Евгеньевой, в «Большом толковом словаре русского языка», гл. ред. С.А. Кузнецов.

В большинстве текстов слово *алтарь* выполняет номинативную функцию и является стилистически нейтральным, либо обозначая место, где возносятся жертвы языческим богам, либо главную часть православного храма. В качестве примеров можно привести следующие словоупотребления: к первому значению — «*Полутемный алтарь возвышался над всем храмом, и в глубине его тускло блестели золотом стены святилища, скрывавшего изображения Изиды*» (Куприн. Суламифь); ко второму значению — «*У алтаря лысогорской церкви была часовня над могилой маленькой княгини, и в часовне был поставлен привезенный из Италии мраморный памятник, изображавший ангела, расправившего крылья и готовящегося подняться на небо*» (Толстой. Война и мир). Но словари отмечают и наличие стилистических коннотаций у слова *алтарь* (книжн., поэт.), что можно видеть на примере следующего словоупотребления, в основе которого лежит метафорическое использование слова *алтарь*: «*Мы знаем, что любовь он похоронил еще в московском доме графини Нелидовой, и над разрушенным алтарем этого божества построил себе храм честолюбия и восторженного поклонения царственной женицине*» (Гейнце. Князь Тавриды).

Сфера первичного бытования слова *алтарь*, связанная с религией (язычеством и христианством), обусловила его синтагматическую сочетаемость в русском языке. Обратимся к материалам сайта КАРТАСЛОВ.РУ (kartaslov.ru): с одной стороны, слово сочетается со словами-атрибутивами, дающими характеристику алтаря: размеры (*большой, огромный, небольшой, маленький*), материал, из которого изготовлен (*каменный, мраморный, золотой*), назначение и местоположение (*домашний, переносной*), время изготовления (*древний, новый*), цвет (*черный,*

темный, золотой) и др. С другой стороны, соединяясь с существительными в функции зависимого слова, *алтарь* расширяет свои характеристики, становясь обозначением пространственных координат: *в сторону алтаря, у подножия алтаря, по бокам алтаря* и др. То же самое наблюдаем при анализе сочетаемости с глаголами, когда слово выступает в функции аргумента (*приблизиться к алтарю, посмотреть на алтарь, разрушить алтарь*). В функции субъекта (*алтарь опустел*) появляется семантика количества.

Включенное в метафору (*на алтарь отечества, любви, победы, науки, служения, свободы, искусства, борьбы, революции*), слово *алтарь* реализует семантику жертвенности человека (людей), связанного с какой-либо деятельностью: защитой родины, преобразованием общества, наукой или искусством. Метафорическое значение на первый план выдвигает именно человека, концентрирует внимание на жертвенности поведения людей, что-либо возносящих на алтарь. Однако нельзя не сказать об амбивалентности оценочных сем, связанных с представлениями о жертвенности: оценка может быть как положительной (*Наш народ положил 25 млн жизней на алтарь Победы¹*), так и отрицательной (*Но класть свой ум на алтарь тупорылой скромности, может, считать себя умнее других, втайне радоваться их идиотизму²*). Очевидно, что словоформа *на алтарь*, погружаясь в контекст, приобретает не только разную оценочность (она задается словами окружения), но и возвращает читателя к первообразу, когда алтарь воспринимается как языческий жертвенник, политый кровью жертвы: *Теперь она талдычила, что мир полон хищных людей, справедливости нет, совести тоже нет, нет и элементарной порядочности, а также ещё каких-то важных моральных категорий — я пропустил мимо ушей, — но деваться ей всё равно некуда, и пусть уж последнюю свою кровь она выльет на алтарь любви к золотому мальчику Степаше...³; Буш, может, и готов возложить себя на алтарь Отечества, но чтобы представить, как на тот же алтарь бодро возлагают Чейни и Рамсфельд — хотя бы даже и в компании красавицы Кондолизы, — для этого никакой фантазии не хватит⁴* (примеры отобраны с помощью Национального корпуса русского языка).

Таким образом, в русском языке *алтарь* сохраняет культурную информацию, связанную с религией, и транслирует культурные смыслы, связанные с идеей жертвенности во благо чего-либо.

Вьетнамское слово *bàn thờ* ([бан тхò]) переводится на русский язык словом *алтарь*. *Bàn thờ* (алтарь) связан с культом предков, существующим в культуре современного Вьетнама. Вьетнамцы считают, что души предков находятся рядом с ними в их доме. Место их бытования — *bàn thờ* (алтарь) — одно из самых важных мест дома или жилища. Важность заключается, например, в том, что на украшение алтаря тратятся большие средства, потому что внешний вид *bàn thờ* создает репутацию о семье. По убранству *bàn thờ* и по его чистоте (ухаживенности) приходящие в дом люди делают вывод о том, как глубоко семья почитает предков, насколько семья материально благополучна. Именно поэтому *алтарь предков* (*bàn thờ*) устанавливается на самом видном и почетном месте в доме. Он выполняет особую функцию: помогает связываться с духами предков через ритуал общения с ними. Любое событие,

¹ Горбачев М., Архангельский А. «Надо изменить атмосферу» // Огонек. 2015.

² Сальников А.Б. Отдел // Волга. 2015.

³ Волос А. Недвижимость (2000) // Новый Мир. 2001.

⁴ Соколов М. 21.IX — 27.IX // Известия. 2002.09.27.

происходящее в семье (рождение детей, свадьба) или дело, которое является важным для семьи (открытие нового бизнеса или отправка сына или дочери на учебу за границу), обязательно предполагает обращение к предкам. Вьетнамец (обычно это глава семьи) зажигает три ароматические палочки (huong), называет повод для обращения, называет того, кто обращается и просит предков о помощи. Палочки сжигаются в чаше для риса (bat huong), стоящей на алтаре. Даже если жизнь проходит без изменений и ничего необычного не происходит в семье, ароматические палочки huong всё равно раз в месяц нужно зажигать. Такое сжигание благовоний-палочек символизирует уважение и любовь (kính trong) к своим предкам, непрерывность жизни и связь нескольких поколений семьи. Обратим внимание на словосочетание kính trong. Словари дают ему следующее толкование: «уважать; уважение; чтить; почтение; почтительность; почитать; почесть; почёт; жаловать; уважаемый; достойный; достопочтенный». Но главное в чувстве kính trong — это любовь, соединенная с почитанием. Во вьетнамском языке словосочетание kính trong используется только для обозначения любви к тем людям, кого считают особо уважаемыми и почитаемыми, в первую очередь, к учителям и наставникам. Если же речь идёт о простых, обычных людях, то для обозначения своих чувств используется слово *quý* [куи] — «считать дорогим для себя» [Словарь вьетнамского языка: 814]. Именно поэтому среди вьетнамцев-христиан для обозначения любви к богу используется словосочетание kính trong. Так культ предков как ведущая религия Вьетнама и христианство стали использовать одно и то же понятие для называния своего отношения к обожествляемому.

Однако в современной культуре Вьетнама слово *bàn thờ* получает новые культурные смыслы, сохраняя известную всем культурную информацию. На его основе образован фразеологизм *tốc độ bàn thờ* [ток до бан тхо] (дословно «скорость алтаря»). Можно предположить, что это нулевая скорость, исходя из того, что *bàn thờ* стоит на месте и никуда не движется. Но это предположение ошибочно. *Tốc độ bàn thờ* обозначает слишком высокую скорость. Вьетнамские юноши любят быстро ездить (*гонять*) на мотоцикле. Оценивая такую езду, сопровождающуюся нарушением правил, люди полагают, что эти мотоциклисты торопятся на тот свет и хотят быстрее оказаться на алтаре и приобщиться к своим предкам. Таким образом, в современном вьетнамском языке фразеологизм *со скоростью алтаря* означает «очень быстро». Но «очень быстро» можно не только ездить, но и осуществлять продажи, набирать сотрудников. Для характеристики этой быстроты тоже используется оборот *со скоростью алтаря*. Еще один оборот, связанный с образом алтаря — *lên nóc tủ* ([лен нок ту] (дословно «подниматься на крышу шкафа»). У этого оборота прозрачная внутренняя форма. Во многих современных домах алтарь *bàn thờ* располагается наверху шкафа. *Подняться на верх шкафа* означает «умереть». В этом фразеологизме присутствует эмоциональная сема, которую можно обозначить как *шутливая*. Данный фразеологизм может встречаться в сопровождении других оборотов, связанных с поминальной трапезой: *ăn chuối cả nải* ([ан чуй ка най] (дословно «чтобы съесть целую гроздь бананов»), *ngắm gà khỏa thân* ([нгам га кхоа тхан] (дословно «чтобы посмотреть на голую курицу» т. е. очищенную от перьев и отваренную курицу). Смысл этих оборотов станет понятным, если мы будем знать, что на алтаре устанавливают фотографии предков. Предки с фотографий смотрят на те блюда, которые поедают живые во время трапезы. Но в любом случае вьетнамское понятие *bàn thờ* связано с представлениями о смерти.

Таким образом, культурные смыслы слов *алтарь* и *bàn thờ* имеют некоторые общие черты, но культурная информация обоих слов различается, что объясняется культурой каждого из народов.

Представленные в статье материалы показывают, что в значимых единицах языка — словах, фразеологизмах, а также в разнообразных предложениях типа примет можно выявить культурную информацию — сведения о культуре, идеологии, воззрениях, эмоциях и чувствах народа-носителя языка. Культурная информация, по-видимому, не может быть сведена только к лексикографической составляющей — она намного шире, поскольку может передаваться и интерпретироваться практически любым носителем языка — даже теми, кто никогда в жизни не пользовался словарями. Культурная информация по-разному интерпретируется и наполняется культурными смыслами, характер которых обусловлен ситуацией употребления языковых единиц, личностями коммуникантов, их целевыми установками, а также, как можно предположить, степенью их владения культурным фоном.

Список источников

- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001.
- КартаСлов.Ру — Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 18.04.2023).
- Никитина Т.Г. Большой словарь примет / сост. Т.Г. Никитина, Е.И. Рогалева, Н.Н. Иванова. М.: АСТ: Астрель, 2009. 687 с.
- Семёнов А.В. Этимологический словарь русского языка. М.: Юнвес, 2003. 704 с. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/> (дата обращения: 18.04.2023).
- Словарь русского языка: в 4 т. Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981—1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/01/ma103312.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 09.03.2023).
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
- Толковый словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/01/us102818.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 18.04.2023).
- Từ điển tiếng Việt. Chủ biên Hoàng Phê. Tái bản lần thứ 9. Đà Nẵng: «Nhà xuất bản Đà Nẵng», 2003. 1221 trang.
- (Словарь вьетнамского языка / гл. ред. Хоанг Фэ. 9-е издание. Дананг, 2003. 1221 с.)
- Từ điển bách khoa Việt Nam : trọn bộ 4 tập. Tập 1 (A-Đ). Hà Nội: Trung tâm biên soạn từ điển bách khoa Việt Nam, 1995. 964 trang.
- (Вьетнамский энциклопедический словарь: в 4 т. Т. 1 (А-Đ). Ханой: Центр составления вьетнамского энциклопедического словаря, 1995. 964 с.)

Список литературы / References

- Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: учеб. пособие для студентов пед. институтов. М.: Просвещение, 1992. 512 с.
- (Buslaev F.I. Teaching of the national language: Textbook for students of pedagogical institute, M., 1992, 512 p. — In Russ.)
- Васильев И.Г. Культурные смыслы переоценки дополнительного образования // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития: материалы 14-й междунар. конф. 2016. С. 385—390.
- (Vasiliev I.G. Cultural meanings of revaluation of additional education, *Education through Life: Continuing education for Sustainable Development: Materials of the 14th International Conference*, 2016, pp. 385— 390. — In Russ.)

- Гвоздарев Ю.А. Пусть связь речений далека... Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1982. 206 с.
(Gvozdarev Yu. A. Let the connection of utterances be far away..., Rostov-na-Donu, 1982, 206 p. — In Russ.)
- Даль В.И. Напутное // Даль В.И. Пословицы русского народа: в 3 т. М.: Русская книга, 1993. Т. I. С. 5—52.
(Dal V.I. Naputnoe, *Dahl V.I. Proverbs of the Russian people: Collection: In 3 volumes*, M., 1993, vol. I, pp. 5—52. — In Russ.)
- Журавлева Е. В. Испанский газетный текст как источник национально-культурной информации (на материале пиренейского и колумбийского национальных вариантов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 22 с.
(Zhuravliova E.V. Spanish Newspaper Language as a Source of National-Cultural Information (based on the Pyrenean and Columbian National Variant of the Spanish language), abstract of diss. ... Candidate of Sciences (Philology), 2022. — In Russ.)
- Камедина Л. В. Культурные смыслы православия в университетской среде (на примере Забайкальского государственного университета) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2021. Т. 39. С. 109—117.
(Kamedina L. V. Cultural meanings of Orthodoxy in the university environment (on the example of the Trans-Baikal State University), *Izvestiya Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies*, 2021, vol. 39, pp. 109—117. — In Russ.)
- Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.
(Karasik V.I. Linguistic crystallization of meaning. Moscow, 2010, 351 p. — In Russ.)
- Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: УрГУ, 1995. 144 с.
(Kupina N.A. Totalitarian language: vocabulary and speech reactions. Yekaterinburg; Perm: USU, 1995. 144 p. — In Russ.)
- Куприянов П.С. Два Зарядья: визуальные образы и культурные смыслы городского пространства // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. С. 65—100.
(Kupriyanov P.S. Two Zaryadye: visual images and cultural meanings of urban space, *Cultural and humanitarian geography*, 2013, vol. 2, no. 1, pp. 65—100. — In Russ.)
- Меркулов И.П. Древняя «магия слова» и эволюция искусства аргументации // Философия науки. Вып. 9. Эволюция творческого мышления. М., 2003. С. 43—88.
(Merkulov I.P. Ancient “magic of the word” and the evolution of the art of argumentation, *Philosophy of science*, iss. 9, Moscow, 2003, pp. 43—88. — In Russ.)
- Микайлова И.Г. Культурные смыслы и культурные идеалы в воспроизводстве системной целостности субъектов сознания // Мир психологии. 2020. № 4 (104). С. 146—160.
(Mikaylova I.G. Cultural meanings and cultural ideals in the reproduction of the systemic integrity of subjects of consciousness, *The world of psychology*, 2020, no. 4 (104), pp. 146—160. — In Russ.)
- Микова С.С. Языковые средства передачи культурной информации в тексте русской басни (диахронический аспект исследования): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 18 с.
(Mikova S.S. Linguistic means Reflecting Cultural Information in Russian Fables in Diachronic Aspect), abstract of diss. ... Candidate of Sciences (Philology), Moscow, 2011, 18 p. — In Russ.)
- Моченов В.П. Социальные факторы и культурные смыслы современного спорта // Национальные программы формирования здорового образа жизни. Международный научно-практич. конгресс. 2014. С. 514—521.

- (Mochenov V.P. Social factors and cultural meanings of modern sports, *National programs for the formation of a healthy lifestyle. International Scientific and Practical Congress*, 2014, pp. 514—521. — In Russ.)
- Норман Б. Основы языкознания. Функции языка // Русский язык. 2001. № 45. URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200104508> (дата обращения: 09.03.2023).
- (Norman B. Fundamentals of Linguistics. Language functions, *Russian language*, 2001, no. 45. — In Russ.)
- Пермиловская А.Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. Т. 1. С. 291—297.
- (Permilovskaya A. B. Cultural meanings of folk architecture of the Russian North, *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2011, no. 2. vol. 1, pp. 291—297. — In Russ.)
- Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Культурные смыслы образования и медиамир // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 98—102.
- (Pruzhinin B.I., Shchedrina T.G. Cultural meanings of education and media world, *Questions of Philosophy*, 2020, no. 5, pp. 98—102. — In Russ.)
- Русские в своих пословицах: Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках / [Соч.] И. Снегирева. Кн. 1—4. М.: Университетская типография, 1831—1834. Т. 4.
- (The Russians in their proverbs: Reasoning and Research on domestic proverbs and sayings, ed. I. Snegirev, books 1—4, Moscow, 1831—1834, vols. 4. — In Russ.)
- Срезневский И.И. Русское слово: Избр. труды: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. Н.А. Кондрашов. М.: Просвещение, 1986. 176 с.
- (Sreznevsky I.I. Russian word: Selected works: Textbook for students of pedagogical institute, Moscow, 1986, 176 p. — In Russ.)
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа Языка русской культуры, 1996. 288 с.
- (Telia V.N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects. Moscow, 1996, 288 p. — In Russ.)
- Токарев Г.В. Лингвокультурология: учеб. пособие. Тула: изд-во ТГПУ, 2009. 135 с.
- (Tokarev G.V. Linguoculturology: studies. Stipend, Tula, 2009, 135 p. — In Russ.)
- Тонкова Е.Е. Народная примета с позиции лингвокогнитивистики и лингвокультурологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2007. 18 с.
- (Tonkova E.E. Folk omen from the position of linguocognitivism and linguoculturology, abstract of diss. ... Candidate of Sciences (Philology), 2007, 18 p. — In Russ.)
- Чернова О.Е. Культурная информация в толковых словарях // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. Вып. 3 (33). С. 547—550.
- (Chernova O.E. Cultural information in explanatory dictionaries, *Problems of history, philology, culturology*, 2011, iss. 3 (33), pp. 547—550. — In Russ.)
- Шапинская Е. Н. Спортивная символика: культурные смыслы и новые технологии // Фундаментальные и прикладные исследования физической культуры, спорта, олимпизма: традиции и инновации: материалы I Всеросс. науч.-практич. конф. М., 2017. С. 176—180.
- (Shapinskaya E. N. Sports symbols: cultural meanings and new technologies, *Fundamental and applied research of physical culture, sports, Olympism: traditions and innovations. Materials of the I All-Russian Scientific and Practical Conference*, Moscow, 2017, pp. 176—180. — In Russ.)
- Шарифи А., Бешарати З., Абдоллахи М. Культурно-религиозные смыслы числа «тысяча» в Коране // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 4 (50). С. 102—115.
- (Sharifi A., Besharati Z., Abdollahi M. Cultural and religious meanings of the number “thousand” in the Quran, *Islamic studies*, 2021, vol. 12, no. 4 (50), pp. 102—115. — In Russ.)

CULTURAL MEANINGS AND CULTURAL INFORMATION IN THE SEMANTICS OF WORDS AND PHRASEOLOGY

Feniya F. Farkhutdinova, Kieu Anh Vu

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
fenfar@mail.ru, anhvu.bk@yandex.com

Abstract. The article considers one of the aspects of the problem Language and culture: the ability of significant units of language, primarily words and phraseological units, to store and transmit cultural information intergenerationally. Cultural information is a moving part of the semantics of linguistic units. It is realized not only in dictionary definitions, but also in texts, where it is interpreted in different ways and filled with different cultural meanings. Cultural meanings are determined by the nature of the texts in which language units are implemented, the situation of their use, the personalities of the communicants, their target settings, as well as the degree of their knowledge of the cultural background. Cultural information is related to the place of a linguistic unit in the linguistic picture of the world. This is especially evident when analyzing equivalent words in different languages, such as Russian and Vietnamese, or when comparing words that perform the same function in the language system.

Keywords: cultural information, cultural meanings, cultural background, semantics of language units

For citation: Farkhutdinova F. F., Kieu Anh Vu Cultural meanings and cultural information in the semantics of words and phraseology, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, Special issue, pp. 83—94.

Статья поступила в редакцию 11.03.2023; одобрена после рецензирования 18.04.2023; принята к публикации 25.09.2023.

The article was submitted 11.03.2022; approved after reviewing 18.04.2023; accepted for publication 25.09.2023.

Информация об авторах / Information about authors

Фархутдинова Фения Фарвасовна — доктор филологических наук, профессор центра русистики и международного образования, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, fenfar@mail.ru

Farkhutdinova Feniya Farvasovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Center for Russian Studies and International Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, fenfar@mail.ru

Киеу Ань Ву — аспирант центра русистики и международного образования, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, anhvu.bk@yandex.com

Kieu Anh Vu — postgraduate student of the Center for Russian Studies and International Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, anhvu.bk@yandex.com